

В городке жили в основном местные.

Дети, увидев чужаков с необычной повозкой, проявили нешуточное любопытство. Они бежали следом, галдели и наперебой задавали вопросы.

Чэн И отличался добрым нравом, да и Ли Ляньхуа в последнее время стал гораздо мягче — окруженный толпой ребятишек, он ничуть не сердился.

Ли Ляньхуа достал из кармана горсть леденцов и раздал детям, заодно выпрашивая новости о городке и точное расположение усадьбы Ли.

Сведений набралось немного, но кое-что оказалось полезным.

Получив сладости, дети расплылись в улыбках и, видя, что путники уходят всё дальше, отстали.

— Не зря тебя зовут Ли Ляньхуа, — заметил Чэн И. — Умеешь ты разговорить людей.

Чэн И не был мастером красноречия и искренне восхищался тем, как Ли Ляньхуа порой фраз располагал к себе местных жителей и выуживал нужную информацию.

— Не зря тебя зовут Ли Ляньпэн, — парировал Ли Ляньхуа. — Ты просто всеобщий любимец, от тебя так и веет дружелюбием.

Ли Ляньхуа смотрел в ясные глаза Чэн И, чувствовал его спокойную ауру и понимал: к такому человеку тянутся люди. Сам он хоть и старался придерживаться подобного стиля, но, пожалуй, никогда не достигнет таких высот.

Впрочем, это легко объяснить: если Го Цзин одной рукой рисует круг, а другой квадрат, то Хуан Жун это повторить не удастся. Иногда излишняя живость ума — не лучшее подспорье.

Они переглянулись и улыбнулись: на самом деле, дело было еще и в доброте местных жителей.

Простые нравы, приятные виды — чудесный городок. Возможно, стоит задержаться здесь подольше.

Усадьба Ли стояла в отдалении. На полуразрушенных стенах до сих пор виднелись следы былой трагедии: глубокие зарубки от клинков, опалины от пожара...

Остальные улики время давно стерло.

Войдя во двор, Ли Ляньхуа погрузился в оцепенение. В глубине сознания всплывали смутные

образы: он, кажется, действительно жил здесь в раннем детстве. Супружеская чета, чьих лиц не разглядеть, мальчик-подросток, ведущий за руку малыша...

День стоял погожий, солнце ласково грело, но в самом дворе, несмотря на свет, чувствовалось запустение.

Чэн И шел следом, наблюдая, как Ли Ляньхуа осматривает каждый уголок в попытке отыскать следы детских воспоминаний. Видимо, он был тогда слишком мал, чтобы в памяти что-то четко отложилось.

Наконец, следуя подсказке наставника, они нашли в углу скромную могилу, которую Ци Мушань в спешке обустроил для четы Ли.

Ли Ляньхуа замер, глядя на надпись на плите.

Он всегда считал себя обычным сиротой-бродягой и никогда не искал своих корней. Теперь, увидев могилу, он почувствовал растерянность. Это не была острая печаль, скорее — пустота в душе.

Ли Ляньхуа был человеком невероятной внутренней силы, но Чэн И чувствовал: сейчас, когда рядом друг, ему не обязательно переживать это в одиночку.

Поколебавшись, Чэн И положил руку ему на плечо:

— Мы пробудем в городке еще несколько дней. Придем сюда еще не раз, вот и всё.

Пользуясь тем, что день еще не закончился, Ли Ляньхуа принялся приводить могилу в порядок — исполнить сыновний долг. Такие вещи нужно делать самому, и Чэн И, не найдя, чем помочь, отправился в город купить благовоний и подношений.

Лишь когда сгустились сумерки, они вернулись в Павильон Лотоса. В усадьбе Ли жить было невозможно, да и по легенде они приехали в городок выбивать долги, а не предаваться сыновней скорби.

Кто знает, были ли те разбойники, устроившие резню, обычными бандитами? Если окажется, что замешана императорская власть, быть беде. Лучше по возможности не связываться с Наньинем.

Следующие несколько дней они по утрам торговали лекарствами на улице, а после обеда разделялись.

Ли Ляньхуа приводил в порядок усадьбу, а Чэн И оставался в Павильоне, корпя над

медицинскими трактатами.

Втянувшись, он начал понимать суть, но язык книг был слишком сложен, а диагностика по пульсу требовала прежде всего опыта.

Сейчас они в основном «жульничали», используя Мелодию Янчжоу.

К счастью, серьезных болезней в городке не встречалось, так что с работой они справлялись, а благодаря незаурядной внешности быстро прославились как искусные лекари.

Дошло до того, что Чэн И, выходя на рынок за продуктами, постоянно получал подарки от благодарных пациентов.

Чэн И был рад помогать людям, но постоянные подношения его тяготили. К тому же излишнее внимание утомляло, и после нескольких попыток вежливо отказаться он стал реже выходить из дома.

В тот день Чэн И снова сидел за книгами.

В городке не было подходящих мест для рыбалки, а пить чай под солнцем ему наскучило, вот он и решил подтянуть знания.

Однако некоторые места в тексте никак не давались. Когда он нахмурился, в дверях появился Ли Ляньхуа.

Увидев озадаченное лицо друга, Ли Ляньхуа подошел ближе и взял со стола листки с выписанными вопросами. Судя по содержанию, прогресс был налицо.

— Не стоит так усердствовать, — сказал Ли Ляньхуа. — Отдохни, сходи прогуляйся.

Чэн И бросил на него полный укоризны взгляд. Развлечений в городке почти не было, а перспектива оказаться в центре внимания или слушать в чайной байки о Ли Сянъи его не прельщала — в Павильоне было куда спокойнее.

Ли Ляньхуа осекся, вспомнив недавний поход в чайную, и смутился.

Сказители в восьми случаях из десяти вещали о Ли Сянъи. Слушать о своих прежних высокомерных выходах под аккомпанемент обсуждений толпы было невыносимо — хотелось провалиться сквозь землю.

Видимо, его лицо еще недостаточно «толстокоже», а самообладание — недостаточно крепко,

чтобы сохранять невозмутимость. Лишь повторяя про себя: я — Ли Ляньхуа, — удавалось держать маску.

Ли Ляньхуа кашлянул и поспешил сменить тему:

— У меня здесь всё закончено. Завтра уезжаем.

Чэн И отложил книгу, вглядываясь в лицо друга.

— Чтобы не спугнуть змею, мы долго не сможем сюда вернуться. Может, останемся еще на немного?

— Похоже, у меня нет особой привязанности к родителям, — ответил Ли Ляньхуа. — Есть легкое сожаление, но нет глубокой скорби. Пусть будет так.

Чэн И кивнул. Ли Ляньхуа был человеком широких взглядов; в мелочах он мог отвечать уклончиво, но в вопросах чувств всегда оставался честен.

Чего еще ожидать от того, кто когда-то танцевал с мечом на алых лентах, собирая толпы зрителей?

К тому же сейчас он искренне старался быть именно Ли Ляньхуа, поэтому Чэн И никогда не заговаривал о мече Шаоши. В конце концов, это была вещь Ли Сяньи, к Ли Ляньхуа она отношения не имела.

Хотя было немного жаль, настаивать он не собирался.

Именно благодаря этому взаимопониманию им было так легко вместе. Они не были фанатичными мечниками, лишенными земных привязанностей.

С происхождением меча Вэньцзин были вопросы. Ли Ляньхуа проверил его после того, как клинок обагрился кровью — это действительно была облачная сталь.

Он пока не научился окончательно отпускать прошлое, как планировал сделать через десять лет. С тех пор как он заподозрил, что смерть наставника связана с Шань Гудао, он решил взять Вэньцзин с собой, чтобы устроить очную ставку. Если подозрения подтвердятся, пусть тот падет от этого самого меча.

Собираться было нечего. На следующее утро они закупили еды на ближайшие дни и под радостные крики горожан неспешно покинули городок на своем Павильоне Лотоса.

У нынешнего императора не было сыновей, так что потомки принца Фанцзи могли претендовать на роль законных наследников. Даже если события тех лет не были связаны с двором, кто-то мог следить за этим местом.

Если остаться, даже если местные ничего не заподозрят, внимание людей Наньиня станет неразрешимой проблемой.

Ли Ляньхуа не хотел ни на трон, ни в мятежники, так что уехать было лучшим решением.

<http://bllate.org/book/21483/2198512>